

ИСТУКАНЫ

АНТОНИНА ГЛУШКО



Аннотация

Зам генерального директора горно-обогатительного комбината сжигает злая ненависть и зависть к своему шефу. Он во что бы то ни стало стремится завладеть ГОКом.

Для этого он планирует влюбить в себя дочь шефа, и жениться на ней. Затем убить шефа. После его гибели наследницей становится его дочь, то есть теперь его жена, от которой он планирует так же избавиться. После расправы над ней, он сам становится полноправным хозяином ГОКа.

Но не все так легко исполнить, как планирует. Негодяй идет на огромные риски для достижения цели. Несмотря на трудности он решил не отступить от задуманного.

Антонина Глушко Истуканы

ПРОЛОГ

— Пока остановимся на этом, — перечитав написанное, самодовольно улыбнулся Лагин.

Он бережно закрыл дневник, с благоговением провел рукой по его роскошному кожаному переплету с золотым тиснением на обложке, и, закрыв глаза, некоторое время сидел в оцепенении.

— Эд! — послышалось со стороны кухни. — Ужин готов!

— Иду, иду! — весело прокричал он, пряча в бронированный сейф своего тайного советчика и верного друга.

Набрав сложный код, мужчина прикрыл дверку, и та, смачно чмокнув ригелями, надежно укрыла его тайну.

ПАВЛОВСКИЙ АРКАДИЙ ЛЬВОВИЧ

— Пригласите ко мне Лагина, — по внутренней связи приказал секретарю Генеральный директор и по совместительству хозяин горно-обогатительного комбината «Восточный» Аркадий Львович Павловский.

Это был мужчина немного за пятидесяти, со строгим взглядом серых глаз, жесткой линией, плотно сжатых губ. Его лицо слегка смягчали роскошные седеющие на висках, вьющиеся коротко стриженные волосы. Зачесанные назад они открывали высокий красивой формы лоб.

Вся его внешность выражала холеность и благородство: стройная подтянутая фигура, серебристо-серый костюм, по-видимому, сшитый на заказ, кремового цвета, элегантная рубашка, с удачно подобранным галстуком, все в этом человеке выдавало личность неординарную, осознающую свою значимость.

Можно с уверенностью утверждать, что внешнее проявление Павловского не расходится с его внутренним содержанием. Это был человек чести, долга, и глубокой порядочности. Помимо всего Аркадий Львович был умным, как черт, и

мудрым, как дьявол, короче, профессиональным докой в своем ремесле.

Горно-обогатительный комбинат, единственным владельцем которого он является, имеет разностороннюю технологическую направленность. Если коротко охарактеризовать производственную деятельность ГОКа, то это обычное комплексное предприятие по добыче и переработке твердых полезных ископаемых.

Однако автор считает лишним втягивать читателя в сложные технологические процессы производства. Оставим их специалистам. Займемся более интересными вещами: раскрытием судеб людей, работающих на этом самом производстве.

— Аркадий Львович, Лагин в приемной, — сообщила связь.

— Пусть зайдет, — буркнул Генеральный.

В кабинет энергичным шагом вошел первый заместитель Павловского Лагин Эдуард Юрьевич, специалист высшей категории, с двумя техническими ВУЗами, с законченной аспирантурой в области горного дела. Имеет звание кандидата наук.

Мужчина сорока семи лет от роду, выше среднего роста, с подтянутой фигурой, в элегантном темно-сером костюме спортивного стиля, с располагающей благородной внешностью. Хорошей формы нос, красивый изгиб бровей, серые завлекательные, конечно для женского пола, глаза, смотрели на патрона спокойно и с достоинством. Даже немного с надменностью.

Хороший цвет кожи указывал на отсутствия излишеств, а чисто выбритое лицо говорило, что мужчина не безразличен к своей внешности.

Единственное что портило его благородный облик, чрезмерная лубочная красивость. Так и хотелось схватить его, потискать и поцеловать.

Однако, он не страдал нарциссизмом, а внешняя привлекательность Лагина ни в коем образом не мешала его профессиональному мастерству и семейной жизни. Он был женат, любил только свою жену, и, что является редкостью среди красивых мужчин, никогда не изменял супруге.

— Эдуард Юрьевич, у меня на столе уже второй рапорт начальника цеха сушки концентрата. Что-то у них там с пробами не все в порядке.

Разберитесь как специалист. Помогите инженерам. Выясните, в чем проблема.

— Обязательно разберусь. Немедленно отправлюсь непосредственно в цех.

— Захватите с собой главного инженера. Он прошлый раз тоже там что-то выпрямлял. И доложите мне результат. А то вагонники уже жалуются, что склад сухого концентрата пятый час не отгружает продукцию.

— Непременно все сам проверю, при необходимости окажу помощь и во второй половине дня доложу вам.

После ухода Лагина, Павловский еще некоторое время неподвижно сидел за столом. Потом встал, подошел к окну. Он думал о своем зама. Умный, исполнительный, специалист высшей градации, Аркадий Львович, не терпевший тупиц и разгильдяев, по-особому относился к своему заместителю. Он подумывал перевести Лагина из разряда вольнонаемного зама в совладельцы. Понимал, от этого комбинат только выиграет. А что придется делиться большими доходами, Павловского такая мелочь не волновала.

Владелец комбината не был скопидомом, яхты, виллы за рубежом его не прельщали. Женщины? После трагической гибели жены и помощницы в одном лице, разбившейся при падении вертолета, во время рейса на дальний участок «Горный», Аркадий так и остался одиноким. Все свободное время поглощала работа. На личное, времени не оставалось.

В той далекой катастрофе сам он едва выжил, провалявшись потом с полгода в гипсе. А жену не спасли. Ее даже не успели довести до поселкового медпункта.

С Диной они поженились, спустя два года после окончания института. Жили дружно. Более трех лет вместе скитались по таежным тропам в геологических экспедициях, пока Дина не объявила, что ждет ребенка.

Родилась дочка. Оставив годовалого малыша на руках у своих родителей, Дина вновь вместе с мужем отправилась в геологическую партию. При переброске на соседнюю базу, вертолет, снижаясь, не подрасчитал пространства посадочной площадки. Черкнул лопастью верхушку елки, и загремел книзу. Из пяти геологов погибла лишь одна Дина.

Аркадий Львович отошел от окна, уселся за стол, и углубился в бумаги.

— Дима, пригласи ко мне главного технолога, — щелкнув кнопкой внутренней связи, сказал он секретарю.

ЛАГИН ЭДУАРД ЮРЬЕВИЧ

Знай Лагин заранее планы своего босса относительно его карьеры, возможно, не произошли бы события, обернувшиеся для него трагедией. С недавнего времени умника Эдуарда Юрьевича стали мучить злые завистливые мысли. Откуда они взялись, он не мог и сам объяснить.

Зависть разрастаясь, поражала не только сознание, но и душу. Она мешала ему жить, спать, есть, нормально работать. Лагин осознавал, что нынешнее его состояние рождено неприязнью к Павловскому. Ему стало казаться, тот вовсе не выше его в профессиональном плане, да и по интеллекту Аркадию Львовичу далеко до его собственного кругозора, человека всесторонне развитого и культурного, накручивал он себя.

Эдуард принялся скрупулезно выискивать у шефа отрицательные стороны характера,

производственные ляпы и упущения. Безумец вбил себе в голову: именно он должен быть хозяином многомиллионного предприятия, и повелителем судеб тысяч людей, работающих на комбинате, считая нынешнее замещение собственным унижением и роковой несправедливостью.

А то, что комбинат функционирует в нормальном ритме, а работающие на нем люди, получают стабильно приличную зарплату и вовремя, заместитель явную очевидность начисто отметал. Его давила внутренняя обида: почему Павловский, а не он, Лагин, хозяин всего этого громадного производства. Ведь начинали-то они вместе, с самого малого, склеивая осколки «мертвого» производства, как говорится, собирали с миру по нитке.

И вот, нате вам, Аркашка — миллионер, хозяин комбината, а он лишь его раб, с оговоренным окладом. Правда, Эдик не уточнил суммарный номинал вознаграждения, опасаясь, кабы Бес, толкавший его на беспредел, не обвинил его в жадности.

С какого времени Лагин «заболел» вирусом зависти, он даже сам не может вспомнить. Но заболел. Зависть довольно опасная штука,

подобная пожару. Вначале тихонько тлеет, едва пробиваясь слабеньким язычками пламени, затем, как полыхнет, и конец! Эдуард не был дураком. Ему известна аллегория сравнения зависти с пожаром. Однако уже ничего не мог в себе изменить.

Вырвавшееся на свободу пламя зависти, стало пожирать Лагина страшнее самого тяжелого недуга. От зависти он сгорал изнутри, убивая в себе трезвое мышление и реальное восприятие действительности. Эдуард осознавал собственную болезнь, понимая, что избавится от нее может лишь завладев комбинатом.

Даже узнав от Павловского, что тот думает поделить с ним половиной производства, вряд ли Лагин будет способен согласиться на разумное предложение. Ты должен иметь все, а не какую-то жалкую половину, шепчет ему Зависть, и он идет у нее на поводу.

Он люто возненавидел Аркашку, так презрительно про себя теперь называл Эдик своего хозяина. Завладеть всем! И ни копейки на сторону! Это первостепенная его задача, которую он в подробностях расписал в своем тайном дневнике, и которую непременно обязан решить.

К выполнению задуманной подлости, Лагин решил приступить немедленно, не откладывая дела в долгий ящик.

В причине сбоя работы сушильного цеха концентрата заместитель разобрался быстро, едва прислушался к работе включенного агрегата. Его догадку подтвердил и главный инженер.

Причина была проста, кто-то из дежурных слесарей забыл масленку на мерном стенде, а та возьми, да закатись, куда не следует. Ремень подхватил железяку, смял ее, автоматика сработала на аварию, и блок остановился. Масленку обнаружить действительно было трудно. Ее затянуло далеко книзу.

— Аркадий Львович, к вам Лагин, — раздался в динамике на столе голос секретаря.

— Пусть войдет. Что там такое случилось, что пришлось останавливать линию? — спросил Павловский, едва Лагин переступил порог кабинета.

— Да мелочи. Снова масленку утянуло к шкиву, — небрежным тоном сказал тот. Не дождавшись приглашения, выдвинул стул из

приставленного к столу, и сел, не спуская бесстрастного взгляда с хозяина.

— Что за расхлябанность такая! — законно возмутился хозяин. — Не забудьте на планерном совещании обратить внимание начальника цеха на дисциплину среди слесарей, обслуживающих агрегаты.

«Приказывает, словно я мальчик у него на побегушках», — начал накручивать себя Эдуард. Слепая волна ярости захлестнула его с головой. Если у него еще были колебания относительно физического устранения Павловского, то теперь они полностью отпали.

Но он понимал и другое: физическое устранение хозяина пока не целесообразно. Его смерть ничего не изменит Комбинат, как и его деньги, так или иначе, получит наследница — его дочь. Сейчас надо работать не с шефом, а с истинной наследницей. Иудушка составил умный на его взгляд план в достижении цели. Теперь он знал, как ему действовать.

— Аркадий Львович, с участка «Тигровая падь» пришла радиограмма. Просят провести у них лабораторное исследование неопознанного

минерала, обнаруженного на глубине пятнадцати метров при бурении шурфа. Если верить геологу, описанный им минерал, смахивает на шпинель, — глядя на Павловского преданными глазами, доложил хозяину Лагин.

— Что вы придумываете, Эдуард Юрьевич? Откуда в тайге, где морозы превышают тридцатиградусные отметки, может быть шпинель? Этот минерал залегает лишь в теплых странах Таиланда, Индии, Бразилии. Мне помнится из учебника по геологии, в Пакистане некогда нашли слиток шпинеля свыше пяти килограммов весом, — ошарашил умного Лагина знанием редкого минерала «ограниченный» шеф.

— Я точно так ответил геологу, но тот настаивать на его лабораторном исследовании. Профессионал, вроде, опытный, не должен ошибаться. Что-то его насторожило в обнаруженном минерале. А вдруг мы сделаем открытие? — сдержанно пошутил Лагин.

— Кого думаете отправить на базу?

— За главного полечу сам, чтобы исключить ошибку. Кроме этого стоит отправить на участок Софью Аркадьевну, как начальника лаборатории и

опытного специалиста, с Игорем Ганских в помощники. Парень хотя только с Университетской скамьи, но башковитый. Пусть поработает в реальных условиях.

Конечно же, никакого шпинеля, оксида магния и алюминия кристаллического минерала в шурфе и в помине не было, и нет. Откуда ему быть в промозглой тайге. Правильно сказал Павловский, но Лагину это по фене. Главным для него — оказаться наедине с Софьей Аркадьевной Павловской, хозяйской дочерью, в условиях, располагающих к интиму.

Лагин знал, какую крепость предстоит ему покорять, не сопоставимую с препятствиями типа «Азова», Шипки или пика «Победы». Но он уверен в своем мужском обаянии, интеллигентной настойчивости, и галантной учтивости.

Эдуард не только красив лицом, но был великим психологом по женской части. По единственно брошенному взгляду на женщину, моментально определял, чего та хочет. Знания помогли ему в жизни уберечься от многих опрометчивых поступков. Единожды погорев, Лагин навсегда зарекся иметь дело с неустойчивыми личностями противоположного пола.

Он до сих пор не может без содрогания вспоминать, когда, вернувшись домой, в то время он занимался в аспирантуре, обнаружил под собственной дверью безмозглую курицу, служившую ему в то время молодому горячему молодцу естественным ковриком.

Боже! Что пережил он тогда! Вот-вот должны были вернуться с работы родители. Оба работали в известной на всю страну газете. Отец занимал должность завлита. Мама место главного редактора. Оба глубоко интеллигентные порядочные люди, с пуританскими взглядами на жизнь. Ни о какой близости с девушкой до женитьбы их сын не мог и мечтать. А тут нате вам! Является какая-то мымра и заявляет, что она беременна и чтобы он на ней женился.

Как тогда ему удалось дотянуть ее до гинеколога, знает лишь он да небеса. Чего он только не наобещал доверчивой дурочке, только бы та избавилась от беременности. Пообещал, как только она выйдет из больницы, тут же, не отходя от кассы, то есть от порога абортария, сразу же женится на ней. Поедут в Париж, плел он околесицу, и что у него уже куплена квартира, где они заживут счастливо и долго, и помрут в один

день.

— А почему ты не можешь жениться сейчас на мне? — спросило пернатое существо с мозгами кукарекующих родственников.

Эдик уже не помнит, что отвечал он курице, но, избавившись от тяжкого связывающего по рукам и ногам позорного объекта, он так ушел в «подполье», что сколько не выискивало его пернатое существо, чтобы отправиться с ним в Париж, но так и не обнаружило «любимого», ни среди живых, ни среди пациентов местных лекарских учреждений.

И тут подоспело лето! Пожалуйте, аспирантик, в таежный отрядик комариков подкормить. Если раньше Эдика пугали походы с геологическими партиями, то в этом сезоне, заранее до отправления в тайгу, с рюкзаком за спиной он явился в Геологоуправление, и две ночи ночевал у двери, на его ступеньках. После этого случая увлечение «курами» и прочим перьевым представительством, навсегда покинуло Лагина.

Если честно признаться, Эдик откровенно побаивался Павловской. Сонькино одиночество и ее недевические годы, ставили его в некоторый тупик.

Вдобавок ко всему он с ужасом обнаружил, что его знания женской психологии как-то поистерлись в его памяти. Ни одного подходящего метода или способа оболванивания ему не приходило в голову. Это заставляло его изрядно волноваться.

Ему предстояло совратить не какую-то там пернатую, с куриными мозгами, а твердокаменную истуканшу, холодную, как мрамор, умную, как компьютер, и страшную, по мнению Лагина, как смертный грех.

Именно с этой целью и была придумана им экспедиция на «Светлую», за мифическим минералом, «обнаруженный» геологами. Таежный плацдарм для покорения Софьи Аркадьевны выбран Лагиным не случайно. В тайге ему ни кто не помешает изливать свои «чувства» одинокой вековухе, исстрадавшейся по мужскому вниманию. Зачуханый студент из лаборатории, ему не помеха. Он специально выбрал недотепу, который не станет задавать ненужных вопросов.

Только в таежной глуши Лагин сможет проявить все свое обаяние к Истуканше. Относительно внимания к собственной персоне со стороны кремневидной доченьки хозяина, он не строил никаких иллюзий. Для начала будет

достаточным, чтобы та выслушала его признания. Однако возможны и другие варианты, надеялся охмуритель.

Павловская относится к нему с полнейшей официальнойностью, и преувеличенной уважительностью, заставляя его чувствовать себя полнейшим идиотом. Но он заставит ее смотреть на себя совершенно другими глазами. Он влюбит ее в себя, так что та сама прибежит к нему, и будет просить его о любви.

Сделав ее своей женой, прежде чем отправить истуканшу вдогонку за папашей, он предварительно унизит ее, насладится Сонькиным унижением, как он сейчас унижается перед нею. Он раздавит ее оскорблениями, предварительно разъяснив, кто она есть на самом деле.

Лагин ослабился, смакуя, предстоящую месть, и настолько отвлекся в своих мечтаниях, что не уловил сказанного хозяином. Переспрашивать не решился, а расплывчато высказался:

— Конечно, есть сомнения относительно минерала, но я думаю проверить все же нелишне.

— Хорошо, я отдам распоряжение на рейс

вертолета на базу. Приготовьте проект приказа, с перечнем людей.

Из кабинета Лагин не вышел, а вылетел на крыльях. «Прекрасно! Сработал первый этап моего замысла! Не думаю, что физическое устранение Сонькиного батюшки, вызовет серьезные затруднения», — уже ни в какие рамки лепил он одну глупость на другую, ослепленный черной Завистью.

ПАВЛОВСКАЯ СОФЬЯ АРКАДЬЕВНА

— Эдуард Юрьевич, вы меня приглашали? — спросила молодая женщина, входя в кабинет заместителя.

— Да, да, Софья Аркадьевна, — засуетился Лагин, при виде Павловской, выскакивая из-за стола, и пододвигая ей стул. — Прошу вас, садитесь. Из участка «Тигровая падь»..., — начал он вешать лапшу на уши девушке, как только что вешал ее отцу.

— Не понимаю, почему я, начальник лаборатории, должна лететь куда-то для проведения сомнительного анализа, заранее не существующего минерала? — задала здравомыслящий вопрос

Павловская.

С распоряжением причины полета ее ознакомил секретарь.

— Можете спросить у своего отца. Вот приказ, подписанный его рукой. Можете сходить и все у него выяснить. — Насмешливо посоветовал хитрец, зная, насколько Павловские упертые истуканы в вопросах служебной субординации. Один лучше другого. Младшая не побежит к старшему. Коль тот решил — этой ничего не остается, как подчиниться приказу. На это и рассчитывал хитрец.

Софья, двадцатипятилетняя незамужняя молодая женщина, была сверх всякой меры самостоятельной и уверенной в себе. Оставшаяся без матери с двухлетнего возраста, девочка воспитывалась бабушкой по материнской линии, женщиной строгой, умной, начисто лишенной всяческих сантиментов. Бабушка была городским прокурором.

Манеру поведения, независимый характер, свободу мышления, неподкупность и честность — все это «богатство» Соня получила в наследство от своей серьезной родственницы. В память о

погибшей матери, Соня поступила в Горный институт, окончила его с «красным» дипломом, и с тех пор работает вместе с отцом.

Соня не была красавицей. Однако ее высокая стройная фигура, темные, мамины глаза, опущенные густыми ресницами, слегка вытянутое аристократическое лицо, с хорошими слегка вьющимися волосами, компенсировали недостаток завлекательной красоты.

Упрямый взгляд темных глаз, указывал на то, что с подобным типом людей лучше не спорить — все равно останешься в проигрыше.

Лагин знал эту особенность Павловской. Словно паук, затаившийся в уголке, безумец ткал свою смертельную пряжу, надеясь опутать ею жертву, и насладиться победой. Но, знал он и то, что для полной победы ему придется проявить огромное терпение и железобетонную выдержку.

На что только не идет люд ради достижения поставленной цели!

Вертолет, словно подвешенная на веревке люлька, разбалтывался на воздушных волнах, и шустро лопотел над «зеленым морем тайги». А было то море без конца и края. Так велики таежные

просторы.

У Лагина с самого начала не заладилось. Совсем не так он представлял себе полет в тайгу, где планировал начать свой эксперимент по любовному оболваниванию твердокаменной Павловской.

Вместо того, чтобы хвататься за него руками, от болтания внутри сомнительного судна, Павловская неожиданно уселась рядом с пилотом, а тот натянул ей на голову наушники.

Истуканша всю дорогу, к досаде Лагина, весело заливалась смехом, по всей вероятности от глупостей, что молот ей в уши тот балбес за рычагами. «Лучше бы следил за дорогой», — злой как черт, выходил из себя Лагин, совсем забыв, что никакой дороги под ними не было.

Более того, приземлившись, вертолетчик, выскочив из кабины, на руки принял упавшую к нему на грудь, весело смеявшуюся Соньку.

Прилетевший десант на участок «Тигровая падь» встречал начальник геологической партии.

Людей отвели в гостевой домик. Лагин, дабы прикрыть пустой полет на базу, стойвший сотни

тысяч, тут же удалился с начальником в рабочий барак. Там они о чем-то долго шептались, но вышли оттуда едва ли не в обнимку. При чем главного геолога временами бросало в стороны, словно тот передвигался по кабине вертолета. Лагин был более устойчив на ногах.

Устроившихся в крошечных, уютных комнатках гостей, повариха накормила приличным ужином. Небо над тайгой уже размахивало алым знаменем заката. Где-то бормотала невидимая речка, кричала незнакомая птица. Перекрывая естественные, природные звуки, в стороне от базы ухала бурильная установка. Геологи не прекращали работы круглосуточно.

Лагин, отказался от ужина, изрядно закусив у геолога, которому вручил солидную «квартирную премию», естественно из собственного кармана. Вознаграждение за согласие доложить начальнику лаборатории Павловской, что шурф, где шло бурение, и в котором «обнаружили» неизвестный минерал, залило водой. Бур наткнулся на подземный источник. В геологии, подобное случается.

Лагин, затаившись, у приоткрытой двери своей комнаты, подобно пауку, поджидал свою

жертву. Расстроенный неудачным полетом в вертолете, где ему так и не удалось установить контакт с Сонькой, сейчас подогретый рюмкой коньяка, он настроился действовать молниеносно и решительно.

Вообще-то, Лагин алкоголем не увлекается — был мудрым, знал: быть пьяным — значит быть дураком. А он был умным, поэтому и не пил.

Едва приоткрылась дверь Сонькиной комнаты, и та появилась в коридоре, как Лагин тут же выскочил из засады, бухнулся перед ней на колени, схватил девушку за руки, и принялся покрывать их поцелуями.

— Эдуард Юрьевич, встаньте сейчас же! Прекратите этот цирк! — отшатнулась от него Соня, вырывая свои руки. — Да вы пьяны! — с отвращением, сказала она.

Открылась соседняя дверь, и из нее появился молодой человек. Высокий, стройный, с прекрасной фигурой, смуглым лицом и симпатичной ямочкой на бороде. То был Лазарев Сергей Павлович, двадцатисемилетний пилот вертолета, доставивший на базу комбинатовский десант в составе трех человек.

— Что-то случилось? — спросил он, и шагнул в сторону, стоявшего на коленях Лагина, считая, что тот остутился и упал. Сергей протянул руку и сказал:

— Давайте я вам помогу.

— Да, пошел ты..., — пробурчал Лагин, потерпевший полное фиаско с любовным очарованием хозяйской дочки, встал, отряхнул брюки на коленках, и шагнул к двери.

Неудержимая злоба охватила его. Он тут же готов был убить их обоих: Истуканшу за издевательство, и вертолетчика за унижение. Зайдя в комнату, не раздеваясь, рухнул на кровать. Пролежав так почти целый час, решил выправить пошатнувшееся положение, отправиться к Соньке и просить у той прощения, пока не смилостивится «каменоломня». Однако его постигло глубокое разочарование. Ее номер оказался пустым.

«Интересно, — почесывая ухо, рассуждал Лагин. — Куда могла исчезнуть эта клуша?».

Он решил отправиться на скалу, на то место, куда планировал привести Павловскую, затуманить ей мозги любовными признаниями, и она, как он

представлял себе, прильнув к его груди, доверится ему окончательно и бесповоротно. Они будут молча сидеть, и наблюдать медленно догорающий закат, слушать болтовню горной речки, и думать каждый о своем.

Он-то знает, о чем будет думать, а вот о чем будет мечтать Истуканша, он только догадывался.

Вновь судьба-злодейка выхватила у него из рук козырную карту. На вершине скалы, как раз на том самом месте, где планировал он оболванить Павловскую, сидела парочка: сволочь — Сонька, и подлец вертолетчик. Сидели рядышком, словно голубки, при этом на ощупь шарили по откосу руками, отыскивая камешки, и бросали их в воду.

Те летели в сумерки, и с легким бульком плюхались в речку.

«Убью, убью, к чертовой матери, — бубнил Лагин, пятясь от скалы задом. — Не хватало еще, чтобы они увидели меня, подглядывающим».

Безумная ярость овладела им. Побелевшими глазами, едва сдерживая себя, завистник с ненавистью смотрел им в спины, словно прожигая их.

«Неизвестно откуда появившийся щенок, без

роду и племени, на моих глазах, разрушает стройную, мною выстроенную систему. Нет, этого я так не оставлю! Вы у меня еще попляшете, голубчики», — грозил он обидчикам. Отупляющее бессилие заставило его скрипнуть зубами, и грязно выматериться, чего раньше никогда не делал.

ЛАЗАРЕВ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

— А что о себе рассказывать? У меня ничего не было интересного, — на просьбу Сони рассказать о себе, ответил Сергей. — Двадцать семь лет, не женат, училище, шесть лет летного опыта. Родители: мама — работает в детском саду поваром, батя преподает в морском Училище, в прошлом моряк. Я у них единственный сын. Вот и вся биография. Теперь ты, Сонечка, расскажи о себе, — попросил молодой человек. Называя друг друга на «ты» они договорились еще в наушниках.

Соня не сказала, что она дочка владельца ГОКа, частенько это становилось не то чтобы препятствием с молодыми людьми, а слишком пристальное прилипчивое внимание родителей, предполагаемого ухажера, от которого становилось тошно. В некотором роде это была одна из причин, что девушка до сих пор не замужем. Ей хотелось, чтобы парень полюбил ее саму, просто так, за то,

что она есть, а не за папины миллионы. Поэтому она о себе ничего лишнего не сказала Сергею, который ей, откровенно говоря, очень сильно понравился.

— У меня почти тоже самое, лишь с небольшой разницей. Училась в Горном институте, сейчас работаю в комбинатовской лаборатории. — Она даже не сказала, что начальником. — У нас с тобой лишь в одном разница: у тебя оба родители, а у меня лишь отец. Мама погибла, когда мне было всего два года. Кстати она тоже была геологом. Тогда они с отцом добирались на базу, при приземлении вертолет как-то лопастью зацепил верхушку дерева, и упал. Из всех находившихся в машине, погибла лишь моя мама. Папа, правда, с переломами, пролежал в больнице где-то с полгода. Воспитывала меня бабушка. Мамина мама. Вот собственно и вся моя биография.

Они помолчали.

— Насколько вертолет удобная машина, настолько она требует к себе внимания. Малейшее отклонение — и ты на земле, в обломках, — «порадовал» девушку пилот. — Соня, тебе не холодно? — словно ненароком, приобняв девушку за плечи, привлек он ее к себе.

По всему видно Соня ему понравилась. Она казалась ему необычайно привлекательной, в чем-то таинственной и загадочной. То ли уединение на дикой скале, то ли таинственные таежные звуки, раздававшиеся из глубины черного ельника, и опрокинувшийся над ними потемневший купол неба послужили причиной его вспыхнувших чувств.

Молодой человек готов уже был поцеловать свою ночную незнакомку, таежную фею, каковой она ему показалась.

Соня не походила ни на одну из девушек, с которыми ему до этого приходилось встречаться. Все они были то ли легкомысленными особами, то ли чрезмерно требовательными. Эта же, буквально поразила его воображение. Назвать девушку красавицей было нельзя. Но тот внутренний свет, что горел в ней, не сравним ни с какой внешней красотой. Казалось, что вся она соткана из лунных лучей, ночного светила, выкатившегося из-за зубчатых елей, и, зацепившись за одну из вершин, уставилось на молодых людей.

— Соня, можно я попрошу у тебя номер твоего телефона. Если позволишь, я позвоню тебе, — не отпуская плеч девушки, сказал он.

На Павловскую Лазарев Сергей произвел ошеломляющее впечатление. Чувство эйфории захлестнуло ее с головой. Нечто подобное ей некогда пришлось пережить. Однако быстро пришлось разочароваться. Да и те ощущения вовсе несопоставимы с нынешними. Там было что-то тяжелое, мутное, тревожное. Единственное, что вынесла Соня из прошлого опыта — предчувствие собственной влюбленности. Именно предчувствие.

Соня понимала, не следует ей терять голову. Не девчонка, однако. Но ничего не могла с собой поделать, неожиданно для себя сделала открытие: что окончательно и бесповоротно влюбилась в почти незнакомого парня. Она теряла голову. Ей захотелось громко орать, прыгать, словно девчонке.

Ощувив на себе его руки, она испугалась за себя, опасаясь переступить грань запретного. Однако, желание самой поцеловать парня, прижаться к его стройному телу, было настолько велико, что она почти не владела собой. С трудом, пересилив себя, сказала:

— Сергей, уже довольно поздно, идем. А то нам не откроют дверь, — едва хватило сил пошутить.

Было около полуночи, когда молодые люди покинули заветную скалу. Соня не подозревала, какие планы Лагин возлагал на это самое место. Наружная дверь «гостиницы» оказалась не запертой. Да и от кого здесь было закрываться? Они прошли вдоль коридора, и, остановившись у двери Сергеевой комнаты, та была первой, не сговариваясь, повернулись друг к другу лицами.

Сергей привлек девушку к себе и поцеловал ее. Соня не смогла сдержать бившие через край чувства, обхватила его за шею, и всем телом прижалась к нему. Так они простояли некоторое мгновение, задыхаясь от страсти, едва переводя дыхание. Первой опомнилась Соня.

— Мы, наверное, что-то делаем не так и те то, — едва выговаривая оправдательные слова, прошептала она.

Известно, что мгновенно вспыхнувшие чувства могут оказаться банальной Страстью. Ожегши человеческие сердца сладкой ядовитостью, легкомысленная Дама, даже не оглянувшись, упорхнет, оставив после себя тяжелое раскаяние и стыд за распутную несдержанность.

— Сонечка, мне стыдно сказать, но я еще, там, в кабине вертолета, едва взглянув на тебя, влюбился, — признался молодой человек, не выпуская девушки из объятий.

Соне стало смешно. Она уже не горела пугающей страстью, по всему ее телу растекалось приятное необыкновенное чувство любовного счастья.

— Сережа, мне приятно слушать твои признания в любви. Я, конечно, знаю, что есть любовь с первого взгляда, но никогда не соотносила это с собой.

— А теперь, отнеси. Я тебя Сонечка, люблю, люблю и больше ничего.

Он целовал ее лицо, глаза губы, ее волосы, и говорил, и говорил, что любит ее. А она смеялась, и смеялась счастливым, радостным смехом. Ведь ей никто с такой страстью еще ни разу не признавался в любви.

Пожелав друг другу спокойной ночи, молодые люди расстались. Соня перед этим загадала: если Сергей станет напрашиваться к ней на чашечку чая, или зазывать к себе, тогда это вовсе и не любовь, а так, одно название. Однако Сергей даже не

намекнул ей на пошлость, и Соня поверила, что к ней пришла настоящая, долгожданная ЛЮБОВЬ.

ЛЮБОВЬ

Соня жила словно во сне, не ходила, а парила над землей. Павловская преобразилась до неузнаваемости не только внутренне, но и внешне. Ранее ее глаза темные, строгие, с пронзительной энергетикой вдруг словно подернулись влажной пеленой. Они приобрели мягкость, в них исчезла официальная жесткость, отстраненность, холодность. Теперь они смотрели на мир удивленно, с детской наивностью, и вроде бы казались поглупевшими.

Девушка полностью уверовала, что к ней явилось настоящее, захватившее ее чувство. И это в ее-то годы! Она и не могла и мечтать о подобном. Соня смягчилась характером, теперь она терпимее относиться к сотрудникам, допустивших ошибки. Неожиданно обнаружила в себе склонность к юмору, чего раньше за собой не замечала.

Эдик, потерпевший в тайге фиаско со скоропалительным покорением железобетонной «крепости», не утратил надежды захватить ее в полон, и перешел на длительную осаду. С Софьей

Аркадьевой был вежлив, любезен и серьезен, словно между ними ничего позорящего его в таежном приюте не произошло.

Сталкиваясь с нею в коридоре, либо в рабочих кабинетах, молча вздыхал, при этом закатывал глаза, и прикладывал руку к сердцу.

— Эдуард Юрьевич, вы заболели? — насмешничала Соня.

— Влюблен-с, Софья Аркадьевна, влюблен-с, — полусерьезно, полусхотливо говорил он, и тяжело вздыхал.

Девушку это веселило и забавляло. Она, смеясь, проносила мимо, озадачивая воздыхателя необычайной веселостью. «Возможно это первые ростки влюбленности в меня? У истуканше, насколько я знаю, на моей памяти не было ни единого романа», — тешил заговорщик себя надеждой.

Лагину даже в голову не могло придти, что между Павловской и летчиком-вертолетчиком, как презрительно назвал он пилота, развивается бурный роман. Ведь в каменную мымру, по его мнению, может влюбиться разве что слепой или убогий.

Рабочий день закончился, совещаний, летучек либо непредвиденных ЧП в офисе не предвиделось. Лагин, подойдя к окну своего рабочего кабинета на четвертом этаже видел, как служащие по одиночке, парами и группками вываливались из парадного, и рассеивались по улицам. Эдик поймал себя на мысли, что стоит у окна с умыслом. Ему хотелось понаблюдать с кем Павловская выйдет из офиса. Любопытно, с кем дружит «железобетон», и дружит ли вообще, в чем он сильно сомневался.

Когда людской поток почти иссяк, вдруг из парадного выбегает, именно выбегает Софья Аркадьевна, едва не выронив сумочку из рук, и, натягивая на ходу плащ, рванула по прямой. «Куда это она понеслась?» — заинтересовался Лагин.

И тут его взору предстала картинка: у раздолбанной «Мазды», припаркованной рядом с бардюром, переминаясь с ноги на ногу, топтался сопляк летчик-вертолетчик.

— Неужели это она к нему несется сломя голову? — прилипнув к стеклу, ошарашился Эдуард Юрьевич. — Не может того быть! У них, что? Связь? Лагин преднамеренно не произнес слово «любовь», не мог просто такое выговорить. — Как этот красавчик, — теперь уже для Лагина красавчик, — мог увлечься каменным

истуканом? — не отлепляясь от стекла, соображал он. И увидел сцену, не влезавшую ни в какие рамки.

Вертолетчик, видать, заметив несущуюся мымру, шагнул к той навстречу, расставив руки, и кусок «железобетона», под названием Павловская-дура, повисла у придурка на руках. Ну и дела! Значит у них шуры-муры, такого поворота событий от их случайной встречи Лагин, конечно, не ожидал. Тем временем парочка юркнула в развалюху, и унеслась.

Со времени первой встречи Сергея и Сони, прошло почти две недели, а их любовь, все еще, не достигла своего апогея. Они словно плавали в хмельном тумане. Настолько их захватила любовь. Именно любовь, а не страсть. Страсть — это сильное чувство, однако не долговечное. Любовники, испытавшие ее, в лучшем случае становятся безразличными друг другу, но большею частью — непримиримыми врагами.

Недаром Пушкин восклицал: «О, как тебя я буду ненавидеть, когда пройдет постыдной страсти пыл». Кто-кто, а тот малепусенький гигант знал толк в страстных увлечениях.

Каждая встреча с Сергеем для Сони

становилась открытием. Она словно проснулась, оказавшись в чудесной стране Грез, где все было расцвечено яркими красками. Раньше девушка жила в черно-сером мире. И вдруг, перед ней растворились волшебные ворота. За ними оказалась масса занимательных мест, где она может быть вместе с любимым: театры, кинозалы, картинные галереи, которые Соня посещала лишь в раннем детстве, куда ее водила бабушка.

Теперь они вместе, наслаждаются живописными полотнами, с запечатленными на них местами, где им так хочется побывать. Посидеть под раскидистым деревом на берегу голубой речки; пройти полевыми с васильками тропинкой, «меж высоких хлебов».

А здесь, что это такое?!

— Смотри, Сережа, да это же, то самое место, где мы сидели с тобой у таежной речки! — воскликнула Соня, полная эмоционального восприятия изображенного на картине.

— Точно! Вот тот камень, о который мы споткнулись, когда возвращались в гостиницу. Помнишь?

Конечно же, она помнит: и тайгу, и тот камень, и скалу, на которой впервые Сережа обнял ее за плечи. Она помнит место начала их большой, всеохватывающей любви.

— Я очень хочу иметь эту картину у себя дома, — сказала девушка, рассматривая полотно, наклоня голову из стороны в сторону.

— Она, по-видимому, не продается, — высказался Сергей.

— А я сейчас спрошу, — рванулась она к столику у входа в галерею, за которым сидела дежурная. Через мгновение она вернулась к Сергею. Обхватив его руку, и заглядывая ему в глаза, доложила:

— Дежурная сказала, что картины с выставки не продаются, но она поговорит с художником, и чтобы я позвонила ей узнать о результате.

Картина наверняка стоила очень больших денег. Для простого пилота такая сумма была неподъемной, но ему не хотелось терять лицо перед любимой, и он решил занять нужную сумму у знакомых, и порадовать подарком свою Сонечку. Молодой человек не знал, что Соня дочь